

Александр ПЕТРОВ

БИОПОЛЯРНЫЙ МУСОРЩИК

Фантастический рассказ

Сашка проснулся от громкого скрежета, раздававшегося метрах в пятистах от его хижины. Какое-то время он лежал с открытыми глазами, смотря в прогнившие, покрытые причудливыми грибами доски потолка, а затем, когда вокруг наступила тишина, опять прикрыл глаза. Но спать уже не хотелось.

Он повернулся на правый бок и посмотрел на тусклый, практически выцветший плакат, который был прибит к шатким стенам парой ржавых гвоздей. На плакате была изображена улыбчивая девушка лет шестнадцати, с рыжими волосами (но на выцветшем плакате они уже были скорее бледно-рыжими), выразительными голубыми глазами, улыбающаяся уходящему на боковую солнышку в осеннем лесу. Сашке стало грустно и тоскливо, он обреченно вздохнул и потянулся к криво прибитой полочке за сигаретами.

- Ведь как бы было здорово, - подумал Сашка, - если бы вот кто-то типа этой рыжей был рядом. Мы бы забирались вечерами на хижину, стараясь не наступать на особо прогнившие доски, я бы курил, она бы красила ногти какими-нибудь остатками практически засохшей эмали, а над нами бы сверкали такие далекие и одинокие звезды...

От подобных мыслей стало еще грустнее и тоскливее, так что Сашка отвернулся от плаката. Говорил ли в нем юношеский максимализм или же сохранившиеся в человеке даже среди гор пустых баночек из-под "Балтики-9" вполне себе естественные инстинкты – неизвестно, но Сашке было все равно. Когда у человека что-то болит, он в первую очередь пытается уменьшить боль, а потом уже добраться до ее причины.

Сашкина хижина была обставлена достаточно бедно. В углу располагалась железная кровать совковых времен, – из таких после перестройки все мужики строгой советской закалки, зажимавшие в уголках губы тлеющий окурочек беломорины, приноровились делать сито для песка. Старый полосатый матрас давно потерял свою белую окраску, но спать на нем все еще было достаточно удобно, по крайней мере, тем, кто до этого спал на сырых досках, жухлой траве и мокрой земле. В углу стоял сколоченный наспех столик, на котором были аккуратно расставлены различные игрушки, начиная от миниатюрных фигурок динозавров из "Киндер-сюрприза" и заканчивая китайским пластиковым человеком-пауком, у которого даже голова не поворачивалась. Все игрушки были педантично расставлены в определенном порядке: в одной части стола располагались миниатюрные модельки некогда дорогих машин (правда, зачастую без колес или без капота), однако древние, раритетные игрушки – машинки, которые с помощью хитрых манипуляций руками превращались в больших, угрожающего вида трансформеров, – располагались совсем в другой части. Однорукие, одноногие, резиновые и не очень, фигурки человека-паука располагались отдельно от безголовых, гуттаперчевых фигурок человека-летучей мыши.

Серьезные мародёры считали это Сашкино увлечение смешным и несерьезным, но он не обижался и сам в душе посмеивался над пристрастием некоторых к коллекционированию разноцветных пустых гильз от охотничьего ружья.

Пара досок на полу в Сашкиной хижине прикрывала небольшую, вырытую ржавой поварешкой яму, в которой лежала стальная баночка из-под конфет, – в подобных раньше дарили конфеты элитных московских фабрик богатым детям. В ней Сашка хранил самое ценное, что смог найти за всю свою жизнь: серебряные брошки, целые очки, дорогое с виду зеркальце и подобные блестящие и сверкающие штучки, которые очень котировались "сороками" – старыми зажиточными мародёрами, уже откопавшими своё и перешедшими в сферу торговли.

Сашка мечтал, что когда-нибудь он сможет накопить достаточно много блестящих штучек, продать их, нанять пару хороших мародёров и отправиться на поиски Клипплиса

- места, о котором раньше частенько рассказывали бывалые мародеры с перепачканными лицами. Они рассказывали, что есть такое место, где цветет трава, где не надо больше ходить в куртках, и что самое главное - где больше нет мусора. Еще они поговаривали, что там существует любовь. Не такая, во время которой ты отдаешь ломтик плесневелого хлеба, чтобы женщина позволила тебе провести с ней время, а настоящая, чистая, не основанная на материальных ценностях и совместном проживании.

Серьезные мародеры верили в Климплис, хотя и не всегда признавали это. Видимо, старались соответствовать образу прожженного жизнью мужика, способного заметить в куче дерьма маленькую баночку с солью. Верил в него и Сашка, верил, что когда-нибудь, пройдя через еще одну кучу дерьма, тухлых собачьих шкур, кошачьих черепов, гнилых овощей и книжек Сьюзен Коллинс, он вдруг увидит роскошные зеленые поля, за которыми находится вечнозелёный лес, и там больше нет этой гнилой вони, нет различных отбросов на каждом шагу, и утро начинается с маленьких капелек росы на зеленых травинках, а не с падающих вниз с гнилой протекающей крыши капель кислотного дождя.

Вспомнив про Климплис, он вдруг повернул голову и посмотрел на плакат. Рыжая девушка была похожа на лисицу, но не на ту, которая все время обманывала хромого калеку-волка.

- С другой стороны, - подумал Сашка, - нужен ли мне будет Климплис, если не с кем будет встретить последние лучи заходящего солнца и разделить радость созерцания багряно-красной полосы заката?

На стене висела пустая рама от зеркала. Сашка и сам не знал, зачем её повесил. Зеркала были большой редкостью и весьма ценились мародёрами. Сашка не имел четкого представления о том, как он выглядит, свое лицо в последний раз он видел в остром окровавленном осколке потрескавшегося зеркала. Больше у него не возникало желания видеть юное худое лицо, испещрённое шрамами.

Он позавтракал просроченной тушенкой, запил пару таблеток анальгина отфильтрованной водой, достал бутылку водки, откупорил крышку и залпом выпил пару глотков, затем улегся на кровать и достал из-под подушки старенькую книжку, которую нашел много лет назад. Он перечитывал её много раз, даже и не сосчитать, сколько вечеров, освещенных восковыми свечами (которые, кстати, тоже были на вес золота) провел за этой книжкой. К сожалению, многие страницы в ней отсутствовали, и, что самое обидное, последние страницы были сожжены. В силу внешних факторов Сашка имел достаточно глубокие познания касательно современного мира, но что было, допустим, лет двадцать назад, он себе и представить не мог. Поэтому книжка была для него достаточно сложной. Он не мог ее понять до конца, никогда не поймет, и, наверное, именно поэтому перечитывает раз за разом, пытаясь все-таки уловить суть.

Он открыл то место, на котором остановился, и продолжил читать: *Абсурд, абсурд. Он погибнет, если больше не увидит ее. Он стал искать почтовую бумагу, но нигде ее не обнаружил; в гостиницах такого типа почтовой бумаги не водится, здесь останавливаются только на ночлег. Он достал из чемодана блокнот и, положив перед собой...*

Глаза уткнулись в резкий, обугленный обрывок страницы. Это был конец. Сашке было грустно, грустно от того, что он так и не узнает, чем закончится эта история. Глаза наткнулись на плакат, на душе стало еще паршивей, и он впервые за много лет швырнул книжку на ветхую тумбочку рядом с кроватью. Обычно он бережно клал ее под подушку, иногда даже запаковывал в какой-нибудь рваный пакет, но сегодня что-то было не так.

Он закурил, его взгляд уткнулся в прогнивший потолок.

-До чего же, - думал Сашка, - мы упорные. Единственное, что осталась даже у самых везучих - это пустая надежда, но ведь тем не менее люди продолжают копошиться в мусоре, что-то делать. Это, наверное, и есть то, что раньше называли мужеством, когда ты знаешь, что проиграешь, и даже двадцати процентов вероятности победы нет, а все равно соглашаешься на игру...

Свои мысли он никогда не высказывал опытным мародёрам. Они считали их сентиментально-подростковыми, но, тем не менее, относились к парнишке достаточно мягко. Дети и так умирали как мухи, от дизентерии и голода. Конечно, прикрывать ребёнка грудью мародер не станет, но предпоследним куском хлеба всегда поделится. Сашка, конечно, уже давно был не ребёнком, но по нынешним меркам был еще достаточно молодым. И дело даже не в возрасте, всё решал опыт. Мародер, который год непрерывно рылся в мусоре, считался более старым, чем мародёр, который рылся в мусоре месяца через два.

Невдалеке от хижины послышался звонкий стук. Потом, секунд через пять, – еще один. И секунд через десять – финальный. Сашка подскочил с кровати, надел грязную камуфляжную куртку, рваные джинсы, натянул шапку и вышел из хижины. Мимо громадных куч мусора вела узкая тропинка, по которой он быстро пробежал, затем свернул налево, перебрался через маленькую кучку пустых стеклянных бутылок и оказался на относительно большой чистой полянке. В середине из земли торчал стальной крест. Возле него стоял человек.

- Рябой? - нерешительно спросил Сашка.

- Сашка? - куда более решительно спросил хриплым голосом человек.

Они подошли друг к другу и обменялись рукопожатиями. Рябой был слегка покачивающимся мужичком с красными глазами, с бритой головой, на которую был накинута мятая капюшон. Его лицо так же было испещрено глубокими шрамами, которые были не так заметны из-за небритости.

- Ну, так что, ты уверен, что хочешь отправиться в ленту Мёбиуса?

- Да, - ответил Сашка, - уверен.

Лентой Мёбиуса в шутку называли обширную территорию из мусорных куч, располагавшуюся в том месте, где когда-то находился крупный гипермаркет "Лента". Там был настоящий Клондайк, но зачастую это было путешествие в один конец.

- Чем платишь? Гоблин сказал, у тебя что-то серьезное.

- Да, - ответил Сашка и достал из кармана небольшой золотой крестик на цепочке, затем неуверенно протянул его рябому. Тот взял его в руки, внимательно рассмотрел и кивнул.

- Идет. С собой все взял или еще домой забежишь?

- Не, плохая примета.

Рябой улыбнулся, хотя до этого был каким-то предельно хмурым.

- Ну, тогда хуле, фаллоузе сан!

Сашка кивнул, и они отправились в путь. Рябой шел впереди, внимательно осматривая все вокруг, а иногда останавливаясь и прислушиваясь. Мусорщиков можно было услышать за полкилометра, но иногда они каким-то невероятным образом случайно появлялись из-за угла, что-то крича на всю округу, хотя до этого не было слышно ни звука. Насколько было известно, Мусорщики не замолкали никогда. Сашка не видел их ни разу, но знал, что это самое опасное, с чем только можно столкнуться по дороге к «Ленте».

- Родители где? - неожиданно спросил Рябой после двадцати минут молчания.

- Не знаю. Меня один мародер нашел, может, ты слышал, его Лесником звали все, он постоянно гербарии всякие собирал. Потом в один момент он ушел, дальше сам выживал.

- Слышал. Он, говорят, отправился искать Клипплис. За гербариями, видимо, отправился...

- Возможно. Он ничего и не сказал, когда уходил. Положил на стол пару кусочков хлеба, пару стаканчиков дождевой воды, ну, дожди тогда не кислотные шли... Сказал, мол, без меня поешь, скоро приду. Больше я его не видел. Жить в его хижине остался.

Рябой, не поворачивая головы, утвердительно кивнул, в знак того, что все понял, и опять замолк. Шел он медленно, часто останавливался на перекуры, иногда слегка сходил с тропинки и рылся в гигантских мусорных кучах, быстрыми движениями пряча что-то в

свои карманы. Сашке было приятно наблюдать за его работой, сразу было видно, что человек знает своё дело.

- Я вот тоже щеглом был, когда все это началось. Думал, сдохну. Ты с детства в этой сфере, тебе попроще. А мне привыкать пришлось. Трудно переключаться с вареников на гнилую картошку и крысиное мясо. Но человек привыкает ко всему. Зубов целых, правда, уже не осталось, печень посажена, легкие прокурены, кости все на два раза переломаны. Но, вот видишь, привык, не жалуясь. По праздникам, например, могу себе кожурки от бананов позволить. Хотя я уже толком и не помню даже жизнь до всей этой фигни. Детство вообще почти не помню.

- А можешь рассказать? Каким раньше был мир? Ну, что помнишь?

- Говорю же, мало что из детства помню. Небо помню голубое... Дождь раньше другой был, идем с ребятами летом по дачам, яблоки срываем, юргу, и как ливанёт... Вокруг тут же такой свежестью пахнет... Тогда еще воды много было, реки целые. Как раз после дождя прыгаешь прямо в шортах в воду, и ничего тебе больше не надо. И все людям счастья не хватало, а счастье, оно-то вон где, оказывается, было. По крайней мере, сейчас, когда помотришь на всё это, - Рябой обвел руками окружающие их громадные кучи мусора, - и понимаешь, что счастье - это такая вещь, которую осознать можно только после ее потери. Уже потом, через много лет, вспоминая какие-нибудь эпизоды своей жизни, ты понимаешь, что вот именно тогда ты и был счастлив. А в те эпизоды ты, как правило, думал, что счастье где-то впереди, и его обязательно надо искать...

Рябой рассказывал очень интересно. Сашка видел в детских книжках красивые картинки, и то, что описывал Рябой, он представлял себе отдаленно похожим на эти картинки из детских книжек. Только картинки в детских книжках давно потеряли цвет, и рассмотреть их уже было достаточно сложно, а вот то, что описывал Рябой, Сашка представил в своей голове довольно ярко и отчетливо.

- А как вообще это случилось?

- А никто толком и не помнит, кого не спрашивай. Я вот тоже довольно смутно все помню, словно бы проспал три месяца или пьяный где провалялся. Никакого кипеша и суеты, кстати, не было. Просто, знаешь, мусор просто стал скапливаться на улицах. А все вокруг как под кайфом ходили. Никто ни во что не врубался. Он начал скапливаться везде, на лестничных площадках, в квартирах, в парках, в магазинах, на трамвайных путях. И никто почему-то не убирал, ни один сукин сын не вышел на улицу с мусорным пакетом. Сначала дороги все завалило. Я не помню, как и почему стали пропадать дома и исчезать люди. Первое, наверное, четкое воспоминание - это как очнулся посреди мусора в какой-то куче. Конец мая, а на улице холодно, сыро, небо затянуто тучами. Никто так и не понял тогда, что произошло. Каждый ситуацию видел по-своему.

- То есть, каждый видел по-своему? Катастрофа-то общая.

- В этом и загадка. Один мужик рассказывал, что курил на балконе, когда с неба мусор посыпался, буквально ливнем. А вокруг никто ничего не замечает. Другой рассказывал, мол, идет ночью с работы, а там люди со стеклянными глазами, как зомби, этот мусор разбрасывают и разбрасывают. Он у них спросил, мол, кто такие, что делаете, а они будто бы не слышат. Дальше ходят, разбрасывают... Третий говорит, что мусор неожиданно начал сам собой из воздуха появляться... И ведь таких теорий уже пару десятков набралось. Если бы больше человек в живых осталось, еще бы больше было...

- Странно как-то всё это. Все жили в одном времени, в одном пространстве, а каждый видел своё. А может, люди вообще не виноваты в том, что происходит?

- Виноваты. Еще как виноваты. Я как-то одного ученого встретил, он потом через пару месяцев от столбняка кони двинул. Ну, так вот, он очень интересную тогда теорию выдвинул, на всю жизнь его слова запомню. По-моему, он максимально приблизился к истинному пониманию сути происходящего. Потому, наверное, и умер... Мы его еще Склифосовским прозвали.

- А что он рассказал-то?

- Засрали, говорит, ноосферу, капитально засрали.

Впервые за весь разговор Рябой обернулся, и, видимо, словив недоумённый взгляд Сашки, продолжил свою речь.

- Ноосфера - это, как он мне объяснил, информационное поле земли. Общий поток, куда попадает каждая мысль и вообще любая информация. Так вот, весь этот негатив, и даже не столько негатив, сколько огромные количества любой бесполезной информации, накапливались веками. А потом в один момент эта сфера и треснула. Он даже на примере показал, достал из какой-то кучи тухлое яйцо и разломал его на две части. Тухлая жижа тогда ему вся на ботинки вылилась, а он так смотрит на меня и говорит, что, типа, вот тоже самое и с нами произошло. Весь этот биополярный мусор хлынул к нам в виде мусора вполне материального...

Сашка шел с широко раскрытыми глазами, в которых отражался не то ужас, не то удивление. Впервые за столько лет он услышал действительно интересное и разумное обоснование случившегося. И какие-никакие ответы на те вопросы, которые долго его мучили во время бессонных ночей, когда сердце начинало быстрее колотиться от случайного скрежета недалеко от его хижины.

- А ведь, - подумал Сашка, - наверное, неслучайно я встретил Рябого. Как-то странно все это получается. Наверное, это неспроста.

В его душе зародилась небольшая надежда. Он представил себе ясную поляну, деревья с зелеными листьями, настоящие, такие, как на старых фотографиях, и спелые яблоки, которых он никогда не пробовал. В душе зародилась надежда, что где-нибудь еще остался небольшой клочок земли, свободный от мусора, вокруг простирившейся на многие миллионы километров громадной свалки...

Рябой будто бы угадал его мысли.

- Говорят, некоторые места остались чистыми. Тибет, например, Аляска, Пустыня Сахара, и вроде как ближе всего к нам - Тайга. Вроде как там до сих пор текут реки и растут деревья. Но тех, кто бы это мог подтвердить, нет. Знаю тех, кто уходил в Тайгу. Много таких было. Но дошли или нет - не знаю. Если даже и Тайга, или, как наши выражаются, Клипплис, и существует, и даже если кому-то удалось дотуда добраться, тащиться обратно, чтобы привести туда остальных, он явно не захочет...

Рябой опять замолчал, видно, вспоминая что-то, а Сашка просто обдумывал полученную информацию. Так они и шли, серьезные, с нахмуренными бровями, пока Рябой резко не остановился и не показал Сашке знаком - стоять и не двигаться! Секунд через двадцать метрах в трехстах раздался невероятно низкий и в тоже время громкий, протяжный голос, настолько неестественный, что сразу стало понятно, что это мусорщик.

Сашкины коленки затряслись. Он никогда не встречался с мусорщиками, но многое слышал о них. Например, поговаривали, что мусорщик может разорвать человека за пять секунд. Обычно он не ходит тропами, а идет прямо сквозь мусорные кучи, обыскивая их на ходу. Еще мародеры говорили, что мусорщик никогда не замолкает.

Рябой быстро показал Сашке на ближайшую кучу мусора, прыгнул в нее и стал зарываться. Сашка последовал примеру. Затем Рябой шепотом приказал не двигаться и посоветовал дышать через раз. Рядом с Сашкиным лицом валялся труп крысы, но это было сейчас несущественной мелочью по сравнению с тем страхом, который он испытывал в отношении мусорщика. Минуты через две голос приблизился, и стали различимы слова, которые произносил Мусорщик. Он громогласно кричал:

*Мы идем
революционной лавой.
Над рядами
флаг пожаров ал.
Наш вождь -
миллионноглавый
Третий Интернационал.*

Проговорив этот стих, он стал говорить слегка поспокойнее, хотя все так же громко.

- Пролетарская диктатура должна доводить до конца разрушение связи между эксплуататорскими классами, помещиками и капиталистами, и организацией религиозной пропаганды как поддержки темноты масс. Пролетарская диктатура должна неуклонно осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков, добиваясь этого посредством пропаганды и повышения сознания масс, вместе с тем заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения и закрепления религиозного фанатизма.

Затем его тон опять поменялся.

- Нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики, а поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса. Разве нет? Разве... нет? Нет, нет... Являюсь ли я демократом чистой воды? Конечно, я абсолютный и чистый демократ. Но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая в том, что я такой один, других таких в мире просто нет. Б... Б... б... Бюрократия — это гигантский механизм, управляемый пигмеями.

Голос раздавался все громче и отчетливее, судя по всему, мусорщик приближался к Сашке с Рябым. Они поглубже зарылись в мусор и замерли, Сашка слышал, как быстро колотится его сердце.

- А... А... Капитализм — «не твердый кристалл», а организм, способный к превращению и находящийся в постоянном процессе превращения. Идеалы социализма — буржуазные идеалы.... Идеалы... Социализм... Социализм целиком принимает все буржуазные ценности благ этого мира и хочет их только дальше развить и по-новому распределить, сделав достоянием всего мира. Социализм не сомневается в ценности мирского богатства и хорошей, довольной жизни в этом мире. Он только хочет богатства и довольства жизни для всех, хочет всеобщей «буржуазности». Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу! Ахахахаха... Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевлённый таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен.

Интеллект, патриотизм, христианство и твердое доверие к Тому, кто никогда не оставлял эту благословенную землю, по-прежнему в состоянии наилучшим образом уладить все существующие у нас сегодня трудности...

А затем Сашка увидел его. Мусорщик имел что-то общее с человеком, правда, этого общего было мало. Это была неестественно высокая, метра три ростом, и неестественно худая фигура, с руками, доходящими до колен, в чёрном обтягивающем костюме из ткани, без каких-либо меток, пуговиц, молний и т.п. Голова Мусорщика была неестественно круглой, а глаза смахивали на пустые черные глазницы черепа разлагающегося мертвеца. Он шел медленной, кособокой поступью, хватая длинными лапами весь попавшийся под руку мусор и проглатывая все, что вмещается, узеньким ртом без губ. По телу Сашки пробежали мурашки.

- Люди должны осознать, что здоровый образ жизни — это личный успех каждого!
- вскрикнул Мусорщик, пытаясь проглотить пустую стеклянную бутылку. Он, к счастью, уже поравнялся с ребятами и теперь шел от них, а не к ним.

-Товаааааааарищи!

На баррикады! —

баррикады сердец и душ.

Душ? Душ?

Машинисту,

пылью угля овечьному,

шахтеру, пробивающему толщи руд,

кадишь,

*кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборы
тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремляяаяя.*

Слово "Кремля" уже было едва слышно. Рябой облегченно вздохнул, встал, сбрасывая с себя мусор и отряхиваясь, затем помог подняться Сашке.

- Впервые их видал?

- Ага...

- Я когда впервые эту тварь увидел - так мне потом еще месяц кошмары снились. И что, сука, характерно, на первый взгляд, кажется конечно, уродливой, но безобидной. Но, на деле - за считанные секунды голову начисто оторвет!

- Я себе их по-иному представлял... Как каких-нибудь монстров клыкастых, зубастых, а тут такая... хуита...

Сашка произнес последнее слова слегка потише, видимо, стеснялся материться при взрослом, бывалом мародёре, даже несмотря на то, что тот сам матерился раза в три чаще.

- Что это за чепуху он нёс?

- Я только первое знаю, это стих какого-то поэта, их еще футуристами называли.

- А почему футуристами?

- Потому что эти туристы от поэзии никакой реакции у людей, не разделяющих их взгляды, кроме "фу!" не вызывали.

- Забавно.

Молча перекурили. Рябой сидел на сгнившем пеньке и смотрел куда-то вдаль, Сашка же рассматривал ближайшую мусорную кучу в надежде заметить что-нибудь ценное.

- Что это вообще за твари? Как они появились? - спросил он.

- Кстати, когда Склифосовский почти помер, эти уроды только появились. Но ему посчастливилось увидеть одного, мельком, правда. Но, как потом он сам мне сказал, тут даже не надо их видеть, чтобы понять, в чем суть дела, достаточно услышать. Склифосовский сказал, что эти мутанты, мать их, - не что иное, как огромные сгустки бесполезной информации, принявшей такую форму. То бишь, вот весь биополярный мусор, гигантский объём бесполезной информации, просто сжался до маленьких размеров, и появилась такая вот тварь, по сути - это огромный ходячий сгусток информационного мусора. Видишь, какой человек был, весь мир большая помойка, а он по-прежнему правду ищет!

- Ясно... А почему они на людей-то нападают?

- Потому что везде мусор пытаются найти. В человеке тоже. И, как правило, находят...

Опять наступило угрюмое молчание. Рябой по своей натуре был человеком молчаливым, больше предпочитал делать, хотя иногда, если начинал что-то рассказывать, то рассказывал виртуозно. Если говорил, то всегда по делу. Сашка же был просто слишком шокирован после встречи с мусорщиком и переживал эту встречу вновь и вновь, вспоминая страшную высокую фигуру.

Наступали сумерки. Небольшие лужицы воды, смешанные с мазутом, покрылись тонкой, как душа мариниста, коркой льда. В воздухе появился едва уловимый запах гари.

- Где-то, в радиусе километров двух, наши бродят. Костры разводят, к ночевке готовятся. Нам тоже скоро пора. Еще километра два пройдем и будем лагерь оборудовать. Ты по дороге все, что легко воспламеняется и хорошо горит, с собой бери. Ночи, как ты знаешь, сейчас длинные. Замерзнуть можно.

Там, где когда-то стояли величественные дома, простирались огромные кучи мусора. Разного - и строительного, и бытового, и пищевые отходы, в некоторых местах были в кучу свалены просроченные антибиотики. Возле таких куч Рябой останавливался и долго, тщательно выбирал, что можно взять с собой.

Вокруг уже почти стемнело, в воздухе стоял запах гари, и можно было увидеть едва заметную дымку. Вокруг была идеальная тишина, – ни уханья сов, ни стрекота кузнечиков, ни шелеста травы. Помимо тихого завывания северного осеннего ветра лишь монотонные шаги Рябого и Сашки нарушали гробовое молчание, воцарившееся этой ночью на многие километры.

- Слушай, ты, я вижу, парень толковый... - внезапно нарушил тишину Рябой.

- Ну да, - слегка смущённо ответил Сашка.

- Дело к тебе есть. Есть у меня один кореш, его все Утилизатором кличут, за профессионализм. У него жена от пневмонии умерла пару лет назад, да он сам скоро кони двинет, у него воспаление легких, по ходу дела. Ну, так вот, у него дочка осталась. Рыжеволосая, симпатичная девчушка. Тихая, спокойная, но выживать умеет, по яйцам, если что, не сбрезует вмазать. Однако одна не выживет. Погибнет ведь. Присмотреть некому. Утилизатор через пару недель помрет. Я бы присмотрел, но мне скоро в последнее путешествие идти. Отправлюсь в Вальхаллу. Надо будет присмотреть за ней. На тебя можно положиться?

В душе Сашки что-то встрепенулось. Если бы не тьма, Рябой бы заметил, как на его лице появилось крайнее удивление, брови поползли вверх, а глаза расширились.

- Да не вопрос... - все, что смог выдать из себя Сашка.

- Вот и славно. Баба-то видная будет. Если вернемся, познакомлю тебя с ней. Если повезет, еще и Утилизатора живым застанем. Может, хоть перед смертью, сукин сын, расскажет свои секреты...

- Вернемся, - подумал про себя Сашка, - обязательно вернемся...